

Образы времени в сказах П. П. Бажова*

Время – наряду с такими понятиями, как пространство, измерение, причина, судьба, число – принадлежит к определяющим категориям человеческого сознания: «Эти универсальные понятия, – пишет А.Я. Гуревич, – в каждой культуре связаны между собой, образуя своего рода “модель мира” – ту “сетку координат”, при посредстве которых люди воспринимают действительность и строят образ мира, существующий в их сознании. Человек не рождается с чувством времени, его временные и пространственные понятия всегда определены той культурой, к которой он принадлежит»¹

Е.С. Яковлева отмечает: «Анализ языкового материала <...> показывает, что в нашем языковом подсознании сосуществуют различные модели, так сказать, “ипостаси” времени (физическое, грамматическое, “философское”...), и интуитивные представления о “времени жизни”, его языковых воплощениях, влияют на наше языковое поведение ничуть не меньше, чем фактор времени грамматического»².

Очевидно, «время жизни» или «переживаемое время» – это кантовское время внутреннего созерцания, та форма, в которой человеческий разум постигает явления). «Время жизни» («переживаемое время») можно отнести к сфере самосознания человека, это одна из основных форм постижения окружающего мира.

Думается, что при выявлении и анализе образов времени в художественном тексте следует учитывать эту «психологическую» («ментальную») ипостась времени – «переживаемое время».

Образы времени в сказах П.П. Бажова многовариантны: это *биографическое* время (личное время, время отдельной человеческой жизни); *календарное* время (сказы во многом ориентированы на воспроизведение традиционного уклада жизни, регламентированного народным календарем с его чередой будней и праздников); *историческое* время (в сказах получает характеристику и оценку смена эпох и поколений).

Один из образов времени связан с *биографической* канвой сказового героя. В сущности, каждый персонаж показан на определенном этапе своей жизни. Продолжительность такого этапа различна: как правило, он совпадает с какой-либо возрастной группой: дети, старики, девки и т. д. Жизнь Степана изображена с молодости до зрелости (до смерти), жизнь

* Исследование выполнено в русле интеграционного проекта УрО – СО РАН «Эволюция жанров в русской литературе XVII – XX вв. и региональные традиции Урала и Сибири».

Данилы – с детства до зрелости. Биографическое время коррелирует с семейно-родовым; в циклах сказов речь идет также о семьях мастеров.

Семейно-родовое время становится существенной характеристикой исторического времени. Так, в сказе «Шелковая горка» время жизни семьи повествователя, в сущности, становится объектом рассказывания: «Наше семейство из коренных невянских будет. На этом самом заводе начало получило»³. В свою очередь, семейно-родовое время осмысляется через события локуса – в данном случае, «большой невянский пожар»: «Теперь, конечно, людей нашей фамилии по разным местам можно встретить, только вот эта усадьба, на которой мы с тобой разговариваем, наша початочная. До большого невянского пожара тут, помню, избышечка стояла. Она покойному родителю от дедушки досталась, а тот не сам ее строил, – тоже по наследству получил. Небольшая избышка. Ну, рублена из кондового лесу. Такого по нынешним временам близко жилья не найдешь. Дивиться надо, как старики такие бревна ворочали. Что ни венец, то и аршин. На сотни годов ставили. Вот и посчитай, сколько времени наше семейство на этом месте проживает, коли большой невянский пожар пришелся на голодный 91-й год. С той поры близко шести десятков прошло, а от начала-то сколько?»⁴ Таким образом, заданная «система координат» сказа триедина: время, место, семья.

Помимо биографического и семейно-родового в сказах присутствует *календарное время* – течение времени, вызванное естественной сменой времен года: «по осеннему времени», «как снег выпал», «прошла зима»⁵. Как известно, жизнь человека традиционного общества была регламентирована народным календарем, включающим религиозно-христианские и собственно земледельческие праздники. Так, Данила попадает в Гору к Хозяйке накануне Змеиного праздника. Екатеринбургский исследователь В. А. Липатов в статье «Рабочая этика в сказах П. П. Бажова»⁶ убедительно показал, что этот период времени обладает повышенной семиотичностью и, следовательно, имеет в сказе отнюдь не формальное значение. Танюшка, героиня сказа «Малахитовая шкатулка», обещает барину Турчанинову – своему потенциальному жениху – быть в «Сам-Петербурге» к Покрову. Как известно, именно с Покрова на Руси начинались свадьбы. До осознания своей подлинной сути Танюшка, как типичная заводская девушка, испытание своего жениха и время свадьбы относит к Покрову.

Продолжая характеристику образов времени, отметим, что в «дореформенных» сказах оно *мифологично*, точнее, *антропоморфно*. Длительность времени и его отсчет ведется «по приказчикам»: «Пока они так-то ходили, в Полевую и приехал *новый приказчик* (здесь и далее в цитатах курсив мой. – Е. Х.). Когда ведь они – *приказчики-то* – *подолгу* сидят, а в те годы им какой-то перевод случился. Душного козла, который при Степане был, старый барин на Крылатовско за вонь отставил. Потом был

Жареной Зад. Рабочие его на болванку посадили. Тут заступил Северьян Убойца. Этого опять хозяйка Медной горы в пугу породу перекинула. Там еще двое ли, трое каких-то были, а потом и приехал этот»⁷

В сказах «пореформенных» и особенно «послереволюционных» время конкретно-исторично. При этом, как мы уже отмечали, большое (историческое) время отсчитывается либо через малое (семейно-родовое), либо через исторические события. Сравним: «Дело это было *вскорости после пятого году. Перед тем как войне с немцами начаться... В те годы у мастеров по каменному делу заминка случилась*»⁸; «И то французу было ведомо, что царица *после пятого году* камень с краснинкой видеть не могла»⁹; «А ведь было. Вправду было. И ровно недавно, а как сон осталось. Иное, поди, и вовсе забыл... *С воли это, слышь-ко, началось*»¹⁰; «*Когда Февральская революция началась, Ионыч, видно, не больно этому поверил – у себя в углу отсиживался. После Октябрьской, когда у владельца завод отобрали, запошевеливался, стал на собрания ходить, сам заговорил*»¹¹ Хочется подчеркнуть, что динамика времени в нескольких сказах представлена через изменение отношения к каменному делу и к земельному богатству: «Ну, может, и то сказалось, что *мода на малахит прошла*. Это в каменном деле тоже бывает: *над каким камнем деды всю жизнь стараются, на тот при внуках никто глядеть не хочет*»¹²; «Нашу-то Полевую, сказывают, казна ставила. Никаких еще заводов тогда в здешних местах не было... На Гумешках, видишь, *в ту пору видимое богатство поверху лежало*, – к нему и подбирались... Народу нагнали, завод установили, немцев каких-то навезли, а не пошло дело»¹³; «*Это еще в те годы было, когда тут стары люди жили*. На том, значит, пласту, где поддерново золото теперь находят... *Золота этого... кразелитов... меди... полно было. Бери, сколько хочешь. Ну, только стары люди к этому не свычны были*»¹⁴

С определенной долей условности биографическое, календарное, историческое время может быть названо *социальным* – это время жизни персонажей, функционирующих в социально-историческом пространстве. В мифологическом пространстве время *внесоциально* – собственно, оно «вневременно».

При выявлении связи между прошлым / настоящим / будущим особую значимость приобретает *мотив памяти*. Так, в сказе «Шелковая горка» рассказчик, критикуя авторов книг по истории Невьянского завода, замечает, что не сами Демидовы сделали себе славу, а замечательные мастера, оказавшиеся незаслуженно забытыми. Целью повествователя становится рассказ о «тех людях, кои самих Демидовых столь высоко подняли, что их стало видно на сотни годов»¹⁵ По мысли рассказчика, таковы Марфуша Зубомойка и Юрко Шмель. Демидов почувствовал собственную выгоду, умело воспользовался выдумкой своих крепостных, а «Марфуше только то и досталось, что свою долю с Юрко Шмелем они получили»¹⁶ В сообщении о барской награде ощущаются иронические

интонации: «Демидовское подаренье, видишь, не больно дорого ему обошлось»¹⁷ Он велел жене выдать Марфуше полушалок с узорными концами, чтобы все видели «барскую награду за старанье»¹⁸ В сравнении демидовской награды с «нынешней»¹⁹, то есть современной повествователю, проявляется *мотив сбывшихся надежд, реализовавшихся чаяний*. В настоящем, когда «старинная работа в полную силу оценена»²⁰, наградой талантливым предкам становятся память и признательность благодарных потомков. Таким образом выявляется *роль рассказчика*: как и другие заводские старики, *он служит поддержанию связи времен*, напоминает о значимости категории и механизма памяти. Именно поэтому давно умершая Марфуша после его рассказа становится «до того живой»²¹, что способна обратиться к своим потомкам, она утверждает свою связь с ними, гордится сохранностью своего «имени-прозвания»: «...по сей день мои-то пра-правнуки поминают Марфушу Зубомойку да ее муженька Юрка Шмеля. Выходит, не демидовские мы, а ваши. По всем статьям: по крови, по работе, по выдумке»²². Через категорию исторической памяти, через механизм воспоминания / повествования о давно прошедшем талантливые мастера обретают вторую (подлинную, по мысли рассказчика) жизнь в настоящем.

В сказах второй половины 1940-х годов автор обращается преимущественно к со- и противопоставлению прошлого и настоящего. Так, в сказе «Ионычева тропа», соглашаясь с позицией Ионыча, повествователь проецирует идею накопления рабочей выдумки в настоящее: «Копилка рабочей выдумки не отстаёт»²³. В финале сказа появляется мотив сбывшейся мечты, связанной с образом «настоящего наследника» рабочей выдумки или, по словам повествователя, «кучового наследника»: «Один придумает, другой добавит, третий подтолкнет, четвертый еще выше поднимет»²⁴. Таким образом, будущее, о котором мечтал и за которое погиб Ионыч, оказывается состоявшимся. По мысли повествователя, это советское настоящее, в котором «копилка рабочей выдумки» «растет так, что со стороны дивятся»²⁵

В сказе «Не та цапля» рассказчик соотносит «цаплю»-экскаватор с «цаплей» – заводской маркой и приходит к мысли о том, что в новом – советском – обществе даже то, что раньше приносило вред рабочим, становится полезным, облегчающим труд: «На цаплю, понятно, эта машина не больно походит, а все-таки Ваня правильно ее к старому подвел. Наша заводская цапля как нарочно была придумана, чтобы люди зря мытарились, а эта – чтоб человека от кайла да лопаты освободить, облегченье ему сделать»²⁶ «Цапля» старого времени (заводская марка) и «цапля» нового времени (шагающий экскаватор) становятся своего рода символами двух эпох. Лейтмотивный образ сказа – «цапля» – является, по словам Л. И. Скорино, образом-идеей. Замкнутое, строго ограниченное пространство Сысертского завода размыкается, переходя в более широкое пространство Уралмашзавода; собы-

тия, о которых рассказывает Кузьма Осипыч, относимые к прошедшему времени, сравниваются с делами настоящего. Расширение пространственно-временных рамок позволяет рассказчику заглянуть в будущее: «У трудового народа и думки быть не может, чтоб без дела остаться. Легче станет работать, удобнее, веселее, а все-таки дело у всякого будет»²⁷

Рассмотрение категории времени в сказах П. П. Бажова позволяет утверждать, что в сказовом мире репрезентативен культурно-исторический аспект национальной ментальности. В «дореформенных» сказах движение времени мифологично; большое (историческое) время осмысляется через малое (биографическое, семейно-родовое). В «пореформенных» и «после-революционных» сказах время конкретно-исторично: отсчет малого времени ведется через большое. Особую значимость приобретает категория исторической памяти. Через ситуацию воспоминания прошлое продолжает жизнь в настоящем. Русский человек в сказах П. П. Бажова предстает укорененным в бытии, в многовековой традиции.

¹ Гуревич А. Я. Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981. С. 84.

² Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (Модели пространства, времени и восприятия). М., 1994. С. 85.

³ Бажов П. П. Сочинения в 3-х томах. М.: Правда, 1976. Т. 2. С. 96.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Т. 1. С. 89.

⁶ Липатов В. А. Рабочая этика в сказах П. П. Бажова // Творчество П. П. Бажова в меняющемся мире: Материалы межвузовской научной конференции, посвященной 125-летию со дня рождения П. П. Бажова, 28–29 января 2004 г. Екатеринбург, 2004. С. 110–116.

⁷ Бажов П. П. Сочинения в 3-х томах. Т. 1. С. 70.

⁸ Там же. С. 124.

⁹ Там же. С. 125.

¹⁰ Там же. Т. 2. С. 221.

¹¹ Там же. С. 243.

¹² Там же. Т. 1. С. 124.

¹³ Там же. С. 135.

¹⁴ Там же. С. 333.

¹⁵ Там же. Т. 2. С. 97.

¹⁶ Там же. С. 106.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 196.

¹⁹ Там же. С. 107.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Там же. С. 251.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. С. 182.

²⁷ Там же.